

Юрий ЛЕВАДА

Свидетели времени Куда идет "Куда идет Россия?.. (размышления над серией книг)

Ежегодный симпозиум "Куда идет Россия?..", как мне представляется, — один из самых важных проектов, обязанных своим существованием энергии и таланту Татьяны Ивановны Заславской. С декабря 1993 г. по январь 2002 г. состоялось девять сессий этого форума, не имеющего аналогов в современной отечественной научной жизни. (В 1993–1994 гг. симпозиумы проходили в декабре, с 1996 г. — в январе.) Организаторы симпозиума — Междисциплинарный академический центр (Интерцентр), а с 1994 г. также и Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН, с 1997 г. школа называется на первом месте). Сопредседателями обеих организаций являются Т.И.Заславская и Т.Шанин. По итогам каждого симпозиума примерно через полгода после его завершения, благодаря четкой работе организаторов и небольшого редакционного коллектива, издается сборник основных материалов*. В каждом сборнике публикуется от 50 до 80 материалов (доклады, выступления, реплики, тезисы, статьи), таким образом, всего в серии опубликовано более 500 различных материалов симпозиума (при том, что выступления на секционных заседаниях отражены в серии книг лишь в небольшой мере). Участники симпозиума — экономисты, историки, социологи, психологи, демографы, юристы, философы из многих научных и учебных учреждений Москвы и других городов России, Украины, Белоруссии, ученые из США, Англии, Франции, Германии. Значительная часть из них принимала участие почти во всех сессиях.

Понятно, что представить сколько-нибудь содержательный обзор всех материалов симпозиума за годы его работы или претендовать на рецензирование обширных и разнообразных материалов было бы совершенно невозможно да и лишено смысла. Замысел настоящей статьи в том, чтобы выделить некоторые, на мой взгляд, ключевые моменты проблематики и стиля работы симпозиума как важного показателя динамики настроений и мнений социально-научного сообщества России на протяжении последних столь сложных десяти лет. В этом смысле — свидетеля времени в стране и в сознании научной среды.

"Невидимый колледж". Этот термин неоднократно использовала Т.И.Заславская, определяя характер симпозиума (см.: Вып. 5. С. 3; Вып. 7. С. 4). Такая характеристика вполне оправдана реальным опытом состоявшихся сессий симпозиума — широким и очень заинтересованным участием в его работе научной общественности, глубокой разработкой проблем, полной творческой свободой

* Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1994. Вып. 1. 320 с.; Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1995. Вып. 2. 512 с.; Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. Вып. 3. 512 с.; Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. Вып. 4. 386 с.; Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика. М., 1998. Вып. 5. 384 с.; Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М., 1999. Вып. 6. 432 с.; Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. Вып. 7. 451 с.; Кто и куда стремится вести Россию?.. М., 2001. Вып. 8. 384 с.; Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М., 2002. Вып. 9. 352 с. Все книги серии изданы под общей редакцией Т.И.Заславской, исключением является сборник 1994 г., где в общей редакции принимала участие Л.А.Арутюнян. В тексте статьи ссылки на книги серии даются с указанием порядкового номера выпуска и страницы.

изложения и сопоставления мнений. И конечно, уже упомянутой устойчивостью основного состава, как бы "ядра" участников, регулярностью, даже планомерностью развертывания тематических блоков: последовательность избранных для обсуждения тем логична и, как ясно из слов Т.И.Заславской, продумана организаторами, каждая последующая тема как бы вызревает в ходе предшествующего обсуждения.

Уже в первые годы работы симпозиума он выгодно отличался как от научных "мероприятий" академической жизни советских (отчасти, правда, и нынешних) лет, в большой мере нагруженных официальными речами и уныло-демонстративными самоотчетами, не связанными друг с другом, так и от знаменитых "тусовок" перестроечных лет, мало чем разнившихся от интеллигентских митингов. Нельзя не признать, что последние сыграли важную роль в то время, когда значимой была сама возможность публично высказать собственное мнение, громко назвать большую проблему общества. Это время безвозвратно прошло; иногда кажется, правда, что свойственный ему стиль деятельности научных сообществ бывает замечен в научных собраниях и публикациях. Симпозиум "Куда идет Россия?.." шаг за шагом утверждает иной, давно необходимый стиль научной работы и научных дискуссий, предполагающих глубокий, разносторонний анализ тенденций общественного развития, открытое и в то же время спокойное сопоставление различных точек зрения на происходящее. "Отбросив старые и новые мифы и минимизировав политические пристрастия, мы попытались выработать трезвую научную оценку современного состояния, тенденций развития и вероятных перспектив российского общества", — так определяла программные установки симпозиума Т.И.Заславская на первой его сессии (см.: Вып. 1. С. 3).

Наверное, эти слова можно понимать как перспективную установку, программу максимум симпозиума, которая с большей или меньшей полнотой реализуется в его работе. В отдельных выступлениях, особенно в первые годы совместной работы, можно встретить и партийные (или бывшие партийные) пристрастия, и всплески полемической резкости, позже подобные моменты становятся более редкими. В немалой мере сама динамика стиля научной полемики отражает изменения в характере "дискуссий" (конфликтов и напряженности) в общественно-политической жизни страны.

Существенная особенность симпозиума — в нем участвуют только те, кому это интересно и важно, безотносительно к каким бы то ни было карьерным устремлениям или служебным интересам. Только те, кого привлекают содержание и стиль обсуждения проблем.

Судя по сессиям симпозиума в последние годы, его участники уже овладели искусством спокойно слушать друг друга, признавать правомочность иных мнений и т.п., но иногда представляется, что умение слышать и убеждать друг друга, понимать чужие аргументы, не обязательно принимая их, у всех нас (я был на всех сессиях симпозиума и причисляю себя к его постоянным участникам) требует основательной доработки. К этому, как мне кажется, обязывает сама программная идея "невидимого колледжа". Разумеется, в научной среде не может быть и речи о выработке какой-то единой и всеобъемлющей концепции и т.п., различие позиций и методологических подходов неизбежно и плодотворно ныне и на любых рубежах, к которым когда-либо выйдет Россия.

"Куда несешься ты?.. Не дает ответа.." Вряд ли гоголевская интонация намеренно использовалась организаторами симпозиума, но она столь явно и очевидно окрашивает общественную атмосферу в России более полтора лет,

что ее влияние можно усмотреть в самых различных течениях социальной мысли, в постановках вопроса, в терминологии и пр. Разумеется, вдохновляющая метафора "брички" давно вытеснена образом "паровоза" и т.д., но сохранилась образная персонификация главного объекта (страны, общества, народа, исторического мифа) — "ездака", "возничего". В других текстах того же автора можно найти удивительно живучие в нашей реальности образы "колеса", "дороги".

Понятно, что заглавную тему симпозиума нельзя понимать буквально, как претензию или требование предложить в конце заседания (или серии заседаний) готовый ответ на предельно общий вопрос, который мучил и будет мучить поколения мыслящих соотечественников. Реально, как представляется, речь идет о том, чтобы привлечь широкий круг ученых к процессу работы над этим вопросом, различными его сторонами и вариантами его постановки.

Можно, наверное, сказать, что успех любого серьезного начинания зависит от трех факторов — замысла организаторов, возможностей исполнителей, а также от "духа времени", в том числе от состояния общественной атмосферы. Влияние таких факторов, очевидно, сказывается на работе симпозиума.

Рассматривая материалы заседаний последних лет, иногда трудно отделаться от впечатления, что, по мере спада открытой общественной напряженности в стране, происходит спад не только полемической остроты некоторых обсуждений — о чем жалеть не приходится, — но как будто сужается их тематика, в какой-то мере мельчает и уровень анализа. Должно быть, это связано с трудностями перехода от "извечных" к сегодняшним проблемам страны и науки. Если о выборе между социализмом и капитализмом в принципе спорить не имеет особого смысла, то вопрос о сегодняшних и завтрашних альтернативах российского общества, о нынешних угрозах и соблазнах, очевидно, приобретает значительную остроту. Сегодня, например, вполне актуальным представляется выбор между диктаторским и коррумпированным капитализмом латино-американского типа, с одной стороны, и современными образцами правовых обществ — с другой. Устранение с общественной сцены примитивного противопоставления "за" и "против" могло бы открыть возможности для более глубокого анализа характера происходящих перемен. Пока эта возможность в научном сообществе используется довольно слабо.

Муки слова. Поиск адекватных терминов всегда составляет трудность для исследователей новых проблем. В работе симпозиума таких поисковых ситуаций можно отметить несколько.

Первая из них — определение происходящих перемен. В серии своих докладов, представленных на симпозиумах в разные годы, Т.И.Заславская обосновала целесообразность характеристики всей совокупности перемен как трансформации. Отсюда — как производные — понятия трансформационных процессов, трансформационной структуры общества*, субъектов трансформации, сопоставления трансформаций в различных сферах и т.д. Очевидно, что ценностно- и эмоционально-нейтральный термин "трансформация" позволяет эффективно работать с ним при исследовании различных сторон происходящих событий. Как показала Т.И.Заславская (см.: Вып. 5. С. 5), этот термин свободен от нагрузки социально-политических иллюзий, обременявших такие понятия-лозунги, как "ускорение" и "перестройка" времен М.Горбачева, а также и от скрытого телеологизма, связанного с термином "переход", этим ключевым

словом реформ начала 90-х годов, показавших, кстати, что самые радикальные перемены курса и правил "игры" не обеспечивают успешного достижения некоего "другого берега". Можно добавить, что термин "трансформация" содержательнее, чем "перемены", поскольку предполагает изменение не только материала, но и "формы" (нормативных структур). Что не исключает, впрочем, определенных оговорок или пожеланий в отношении трансформации как исследовательского термина.

Существует необходимость выделения различных типов трансформаций, наблюдаемых сейчас в России. В значительной мере их можно связывать с процессами модернизации или постмодернизации общественных институтов. Последние, в свою очередь, требуют типологизации. Сошлюсь на приведенное на одном из заседаний симпозиума соображение Н.Наумовой о "рецидивирующей модернизации" общества в России (см.: Вып. 5. С. 77). Очевидно, что в стране наблюдаются и иные процессы, связанные с противоречивыми последствиями происходящих перемен, — дегерации, криминализации, глобализации и пр.

Другая группа терминологических определений выступает на авансцену обсуждений каждый раз, когда затрагивается связка понятий "революция" и "термидор". На ход обсуждения, в том числе и на симпозиуме, в подобных случаях все еще оказывает влияние неисторическая традиция героизации первого из них и неоправданной "дьяволизации" второго (см.: Вып. 6. С. 142). Мне кажется, и об этом приходилось писать ранее, что для нашей общественной мысли было бы полезным поставить эти термины на свои места, рассматривая революционные периоды как сложные и крайне противоречивые по последствиям катаклизмы общественного развития, из которых неизбежно приходится находить какой-то "стабилизирующий" выход, не обязательно по "французскому" образцу. Кстати, на одном из заседаний симпозиума приводилось замечание В.И.Ленина о том, что русские большевики смогли сами себя "термидоризировать" (см.: Вып. 7. С. 51). Вопрос, как представляется, не в том, какое событие можно считать "революционным", а какое — "термидором", а в сценке реального содержания переворотов и стабилизации.

Еще одно "терминологическое" соображение. В каждой сессии симпозиума заметное место занимает обсуждение проблем такой новой практической и научной темы как *социальная работа*. Нужно отметить, что эти проблемы ставятся на весьма высоком уровне теории и психологии социального действия. Решусь все же заметить, что сам термин "социальная работа" (буквальный перевод англоязычного *social work*) в контексте русского словоупотребления, контаминируя с "общественной работой" и т.п., звучит не вполне удачно. На одном из заседаний Т.Шанин охарактеризовал социальную работу как *служение людям* (см.: Вып. 5. С. 321). Может быть, такой термин (социальное служение или социальная служба) более удачно выражал бы смысл этого достойного занятия?

Вехи десятилетия. В динамике российских трансформаций за десять без малого лет работы симпозиума правомерно выделить три периода, которые явственно наложили отпечаток на содержание и тон дискуссий в научном сообществе. В первые годы тон задает критическая оценка "гайдаровских" реформ и президентского переворота сентября-октября 1993 г.

С такими акцентами общественного внимания связана тематика первых сессий симпозиума, посвященных проблеме альтернатив общественного развития. В том, что темами последующих сессий явились особенности российских перемен и механизмы трансформаций, кризис институтов и роль неформальных практик, имеется своя несомненная логика. Равно как и в том, что предметом одной из последних сессий

* См. разработку этой проблемы в статье Т.И.Заславской, публикуемой в настоящем номере "Мониторинга" (с. 7–13).

(2001 г.) оказалась "субъектная" сторона общей проблемы ("кто и куда стремится вести..."). В значительной мере тематика дискуссий продиктована "логикой" смещения общественных интересов. Открыты возможности нескончаемо многообразных поворотов "базовой" темы, связанных с целями, средствами, вариантами развития.

В ряде докладов и выступлений на первых двух сессиях высказывались соображения о возможности "смены выбора" для страны в смысле ориентации на некое "смешанное общество", в дальнейшем как будто общепризнанным — далеко не всеми одобряемым — стал свершившийся факт поворота страны на общий для современных цивилизованных стран путь развития (см., например: Вып. 5. С. 17). Как отметила Т.И.Заславская, "выбор сузился" (см.: Вып. 5. С. 5). В формулировке В.Данилова подобный вывод звучал несколько более сдержанно: "Хотя современные реформы нельзя признать вполне необратимыми, они стали фактом российской жизни" (см.: Вып. 6. С. 12). На последних сессиях уже не встретил аргументации в пользу "традиционного" характера российского общества, которые предлагал С.Кара-Мурза (см.: Вып. 4. С. 16). Предметом постоянных дискуссий, правда, все менее ожесточенных, остаются и останутся надолго вопросы о сроках, средствах, социальной и "человеческой" цене этого поворота, соотношении замыслов реформаторов ("хотели, как лучше") и результатов (что "получилось").

Как известно, многие люди, выступавшие убежденными сторонниками либеральных реформ в России до их начала, оказались весьма жестокими критиками реальных перемен и их инициаторов. Особенно в годы, когда еще казались возможными постепенные и плавные переходы. Так, на первой сессии симпозиума Г.Ханин убеждал собравшихся, что успешной может быть лишь поэтапная трансформация общества, рассчитанная на несколько десятилетий (см.: Вып. 1. С. 25). Вряд ли можно представить себе исторические обстоятельства — и не только в России, когда сторонники реформ имели бы в запасе десятки лет и смогли бы сохранить за это время собственный реформаторский потенциал, солидарность и т.д. Реальный ход событий последних лет еще раз показал, что в нашей стране общественные процессы приобретают одну из двух форм: либо "застой", либо "обвал", причем обе формы оказываются трудны как для понимания, так и для управляющего воздействия.

Позже, после политических и экономических катаклизмов 1996-1998 гг., все показатели протестных настроений в обществе довольно быстро стали снижаться, а соответственно, произошло изменение и тональности научных дискуссий. Н.Лапин описал изменение ситуации следующим образом: "...Протест уже отошел на задний план и уступил место адаптации, аноμία сменяется легитимацией новых ценностей... В итоге кризис превращается в новый социальный порядок" (см.: Вып. 8. С. 109).

Как мне представляется, подобные суждения не только констатируют завершение наиболее конфликтного периода, но и отражают надежды на новый "стабилизационный" политический режим, формирующийся с конца 1999 г. С этого момента, по данным опросов общественного мнения, уровень массового доверия и надежд на нового носителя высшей власти поднялся до предельно высокого уровня, а значительная часть критически настроенных аналитиков как бы замерла "в надежде славы и добра". Метаморфозы массового и интеллигентски-элитарного настроения, очевидно, обусловлены не только динамикой ситуации в стране, но и давними, в большой мере мифологизированными, установками в отношении властных институтов и лидеров: именно власть считается виновной во всех грехах и бедствиях, и только на власть имущих возлагаются все надежды.

Тема "сильной руки" в воображении и в реальности.

В конце 80-х годов, в начале первого кризиса перестройки, когда уже становилось ясно, что предложенная М.Горбачевым конструкция властных институтов начала "трещать по швам", в общественные дискуссии была "подброшена", как тогда принято было выражаться (притом на чисто публицистическом уровне, т.е. без особых раздумий), идея авторитарной диктатуры как средства реформирования страны. На шумевшая тогда статья А.Миграняна и И.Клямкина как бы дала старт множеству суждений о спасительной роли возрожденного самовластья. На первой сессии симпозиума Е.Стариков, жесткий критик реформ и реформаторов, отмечал: "Все мы, здесь присутствующие (может быть, за исключением двумя исключениями), сходимся в том, что авторитаризм на Руси неизбежен" (см.: Вып. 1. С. 97). По его мнению, идеалом или наименьшим злом послужил бы "авторитарный режим" чилийского или южнокорейского типа, который был бы способен "постепенно, эволюционно, по плану" перевести страну от тоталитаризма к либеральной демократии. С подобными суждениями неоднократно соглашался даже такой трезвый и глубокий аналитик, как Л.Гордон (см.: Вып. 1. С. 306; Вып. 2. С. 320).

Одной из опор апологии авторитарного спасения служили обычно ссылки на довольно поверхностные представления о трансформациях в Испании, Чили и других странах, в таком контексте нередко упоминался также китайский опыт. Подобные апелляции к западному опыту вызвали резкие возражения со стороны участников симпозиума, ближе знакомых с этим опытом. "Меня как нормального западного человека с левыми взглядами совершенно традиционно взволновал призыв к Пиночету и Франко как инструменту перехода к демократии через авторитаризм, — говорил на той же сессии 1993 г. А.Берелович (Франция), — ...Хотелось бы напомнить: и в Чили, и в Испании, и в других странах демократия появилась не благодаря Пиночету и Франко, а вопреки им. Что люди за нее боролись" (см.: Вып. 1. С. 101). Обстоятельный анализ сходства и различий процессов, происходивших в России, в странах Латинской Америки, который был сделан Т.Ворожейкиной, показал несостоятельность поверхностных сравнений (см.: Вып. 4. С. 95 и сл.). Понятно, впрочем, что никакие сравнения или апелляции к чужому опыту серьезной доказательной силой не обладают.

Стоит припомнить, что в уже цитированной реплике Е.Старикова содержалась весьма пессимистическая оценка реальных "кадровых" возможностей реализации авторитарных моделей в России: "...В России принципиально нет таких сил, которые были бы способны решать проблемы страны в указанном выше ключе. Наш генералитет отличается дубоватостью, и в проблемах экономики разбирается как свинья в апельсинах, госбезопасность — не лучше, а МВД — это импотенция в действии плюс тотальная коррумпированность снизу доверху". И все же оратор не исключал возможности "просвещенного, патриотического авторитаризма" (см.: Вып. 1. С. 98).

В свете позднейшего опыта приведенные суждения могут показаться несколько упрощенными. Сомнения в реальности установления (или восстановления?) авторитарных порядков в России опирались на то, что в обществе, уже "хлебнувшем" демократических свобод, не существует необходимых предпосылок для этого — личностных (фигура потенциального "кормчего"), ни институциональных (партия соответствующего типа с ее вооруженными и секретными "отрядами"), т.е. того рычага, которым мог у себя пользоваться Дэн Сяопин.

Нетрудно заметить, что все приведенные выше суждения высказывались в первой половине 90-х годов, т.е. еще на дальних подступах к той ситуации, когда сам предмет ожиданий и опасений в отношении авторитаризма стал

обретать определенные реальные очертания. К концу десятилетия наметились такие факторы содействия авторитарным и антидемократическим сдвигам, которые не были заметны ранее. Уже в 1998 г. В. Радаев обратил внимание на такую важную тенденцию российской общественной жизни, как "возвращение толпы" (см.: Вып. 5. С. 258). Можно полагать, что одним из проявлений этого фактора стала нарастающая эрозия представительских и прочих демократических институтов. В сочетании с разочарованием в результатах всех реформ и дискредитацией их инициаторов, а также растущими возможностями "технологического" манипулирования это подготовило почву для изменения политического режима. Для этого не потребовалось ни "силового" переворота (призыв закаленных кадров на государственную работу произошел позже), ни широкомащтабного насилия в стране — оказалось достаточным применение силы в отдельном ее уголке, устранение парочки особо непопулярных олигархов и закрытие нескольких СМИ. Не было и нужды в ликвидации представительских или судебных институтов. Как справедливо заметил К. Холодковский на последней сессии симпозиума, во властных элитах *"преобладает ставка не на уничтожение демократических институтов, а на их адаптацию к собственным интересам"* (см.: Вып. 9. С. 69). Очевидно, что подобная адаптация возможна при непрочности и эрозированности самих демократических институтов.

На долю следующих сессий достанется, видимо, обсуждение вопросов о том, насколько прочна и насколько эффективна такая попытка стабилизации (или, в терминологии В. Мау, "термидоризации") России.

В поисках субъекта преобразований. Проблема действующего субъекта российских перемен прошлого и настоящего возникала на различных сессиях, специально ей был посвящен симпозиум 2001 г. — единственный, получивший особое название ("Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровневой современного трансформационного процесса"). В значительной мере эта проблематика рассматривалась и на предыдущей (2000 г.) сессии, тема которой обозначалась как "Власть, общество, личность". Все же мне представляется, что теме "субъекта действия" на симпозиуме не очень повезло. В серьезных и содержательных докладах речь преимущественно шла об институтах разных уровней, положении личности, процессах в правовой сфере, а из "субъектов действия" упоминались в основном реформаторы далекого и недавнего прошлого. Причем часто (например, в отношении таких фигур, как Н. Хрущев и М. Горбачев) преимущественно в плане ограниченности их намерений. Но разве известны истории, в том числе отечественной, такие преобразователи (реформаторы, революционеры, великие или скромные по своему значению), намерения которых не были бы ограниченными — то ли узкими личными карьерными, групповыми интересами, то ли туманными рамками какой-то социальной фантазии? Нетрудно показать, что и Н. Хрущев и М. Горбачев были вынуждены начинать перемены ради спасения собственной власти и ее партийной опоры, но важно ведь другое — что они смогли или не смогли сделать, какими были упущенные возможности и т.д. Сомнительно, чтобы Александр II или П. Столыпин были озабочены модернизацией России, важнее, что они реально сделали.

Не меньше сложностей возникает и при выявлении действующих субъектов на экономическом поле. Ведь их мотивации тоже могут быть связаны с узколичными интересами (чаще всего так оно и бывает) либо с "высокими" фантазиями, реальные результаты воплощения которых мало напоминают исходные замыслы.

Самое обстоятельное и глубокое исследование из всех, которые были представлены на симпозиуме, — это, бесспорно, работа Т.И. Заславской о трансформационной структуре общества, фрагменты и варианты которой рассматривались почти на нескольких сессиях. Так, на симпозиуме 1998 г. ею была предложена тщательно рассчитанная по многим показателям примерная схема количественного соотношения социальных слоев современной России: правящая и экономическая элита (1% дееспособного населения), субэлита (6-7%), средний слой (20%), "базовый" (60%), нижний (7%), "социальное дно" (5%) (см.: Вып. 5. С. 12). В плане же отношения к процессам трансформации выделяются следующие "элементы социального механизма": целенаправленная реформаторская деятельность, свойственная верхним слоям, инновационно-предпринимательская деятельность средних, связанных с бизнесом, и реактивно-адаптационное поведение остальных групп. Выделение названных подходов к социальной структуре современного общества представляется вполне обоснованным и весьма плодотворным. Некоторые оговорки возникают в отношении связи различных срезов аналитических процедур.

Не подлежит сомнению, что средой разработки реформаторских и прочих программ государственного уровня, далеко не всегда согласуемых друг с другом, служат высшие институты власти и связанные с ними центры бизнеса (олигархического). Но вряд ли было бы правомерно определять ориентации всех или большинства людей, задействованных в этих институтах, как мотивированную сугубо реформаторскими целями. Значительная часть персонала занята подсобной, исполнительской, чиновничьей и т.п. работой, которая мотивирована скорее довольно ограниченными личными целями. Да и лица, располагающиеся на высших уровнях властной иерархии, как известно из многих публикаций, часто действуют, руководствуясь мотивами личного престижа и обогащения. Что же касается "средних" бизнес-групп населения, то их деятельность в конечном счете может рассматриваться как способствующая обновлению страны, кстати, в последнее время это стало признавать и общественное мнение. Но мотивируются бизнесмены всегда и везде, как во времена Б. Франклина и М. Вебера, собственными деловыми интересами, а не соображениями реформирования или спасения страны. Как известно, в том числе из ряда материалов симпозиума, реальные взаимоотношения бизнеса с властью и законом достаточно сложны, но это другая проблема. Отдельные бизнесмены могут как способствовать рыночным преобразованиям, так и дискредитировать их, последнее особенно относится к предпринимателям первого призыва, "новым русским", строителям известных "пирамид" и т.п.

Из смешения двух разных планов рассмотрения деятельности (план мотивов и план "объективного значения") возникает серия неясностей или даже конфузов, заметных на той же "акторской" сессии симпозиума, где в числе прочих докладывались и такие темы, как "Российский предприниматель: готов ли он стать двигателем социально-экономического развития страны?" (И. Мусаэлян и Ю. Сливницкий) или «"Воры в законе" как субъект рыночной модернизации в России» (Ю. Латов) (см.: Вып. 8. С. 225, 176). В качестве субъектов, выступающих на нынешнем социальном поле, можно рассматривать множество других персонажей и групп вплоть до самых одиночных, как "передовых", так и "традиционных" или ретроградных: в конечном счете действующим фактором служит параллелограмм разных сил.

Хотелось бы в связи с этим вспомнить весьма выразительную реплику О. Лациса на первой сессии симпозиума: "Я не согласен, что в западных странах сотни лет строили капитализм. Там не строили капитализм — никогда и

никто. Там решали практические задачи. А такая вещь, как капитализм, вырастала в ходе этого естественным путем" (см.: Вып. 1. С. 47). В свое время соотношение мелких целей и "больших" результатов было прекрасно известно как А.Смиту, так и К.Марксу, в современных дискуссиях относительно субъектов и акторов это также стоит учитывать.

В плену социальных мифов. О мифологичности нашего массового сознания говорят с незапамятных времен. Опросы постоянно подтверждают, что опорные конструкции общественного мнения (типичные образы, стереотипы, формы перехода от одного состояния к другому) имеют корни в структурах традиционной мифологии. Но то, что к мифологии по-разному причастны и самые изощренные фантазии и пристрастия элитарно-интеллигентской среды заметно не всегда. Остановлюсь только на трех примерах, которые оказались в поле внимания симпозиума.

Один из них — миф о всемогущей и спасительной власти. "...Надежды избирателей на сильного, мудрого, справедливого и демократичного Президента-реформатора не сбылись", — констатировала Т.И.Заславская в конце 1994 г. (см.: Вып. 2. С. 4). Ничего удивительно, конечно, нет в том, что такие, восходящие к мифу самодержавного царя-благодетеля, надежды и сбыться не могли. Удивительно и опасно, конечно, что подобные надежды существуют, причем не только в массовом сознании. Ведь вера в чудеса не исчезает от того, что чудо "откладывается" и сто, и тысячу раз. Пока сохраняется миф о царе-благодетеле, он многократно находил и может найти свое, конечно, воображаемое воплощение в каждом следующем обладателе верховной власти независимо от его личных качеств, окружения, программы, возможностей и т.д. И сегодня мы видим, как убежденные демократы, отчаявшись в собственных надеждах на "настоящую" демократию (ожидавшуюся, понятно, на следующее утро после очередного потрясения), бросаются к ногам воображаемого спасителя, надеясь, что призовет, покарает, простит и направит.

На заседаниях симпозиума не раз возникала тема "восстановления доверия" общества к новой власти при условии покаяния в прошлых грехах (см.: Вып. 5. С. 15; Вып. 7. С. 235). Но о каком и чьем доверии идет речь? В последние годы правления Б.Ельцина (после "вынужденного" избрания в 1996 г.) никакими мерами массовое доверие вернуть было просто невозможно. А нынешний президент этим доверием, по всем данным, обладает в избытке. Но при всем сходстве относительных показателей (60-79%) ничего похожего на фантастическое увлечение просвещенной интеллигенции М.Горбачевым в его лучшие годы (1987-1989) нет и в помине. И такое доверие вряд ли воспроизводимо, какие бы либеральные шаги и жесты ни делала власть. Однако сама ситуация "ожидания добра" (помнится, у Ф.Искандера в одной из его давних притч говорится, что в России "все чего-то ждут") вполне мифогенна по своей природе. Чудо, в том числе и чудо власти, — это то, чего *ждут*, а не то, что *делают*.

Другой элемент того же образа мышления, о котором шла речь на симпозиуме, — мифологизация как будто вполне обычных и рациональных действий, отношений, структур. Скажем, экономическая реформа и приватизация представлялись неким чудодейственным средством омоложения общества — чуть ли не по рецептам "Конька-горбунка". На одном из заседаний Г.Дилигенский обратил внимание на то, что «новые идеологические стереотипы приобрели традиционный для русского общественного сознания романтически-утопический характер. Возник своеобразный парадокс: такая жесткая и прагматическая вещь, как рынок, стал предметом очередной

утопии, романтизации и мифологизации... На той же основе возникла и мифологема "среднего класса"...» (см.: Вып. 1. С. 72). На другой сессии он убедительно показал, что такие расхожие мифологемы как "режим Ельцина" сеют "иллюзию, будто путем смены главы государства можно решить все проблемы страны" (см.: Вып. 7. С. 418). Уместно вспомнить, что в свое время Н.Бердяев с некоторым изумлением писал о том, что в советской тогда России превратили в священный предмет трактор. А в не утихающих схватках вокруг вопроса о купле-продаже земли идут в ход не столько экономические расчеты и юридические обоснования, сколько сугубо мифологические аргументы относительно "земли-матушки" и пр.

И еще один "модный" миф социального сознания, который иногда увлекает даже людей, как будто хорошо представляющих, кем и для чего он "вброшен" в сегодняшний водоворот разочарований и надежд, — миф о гражданском обществе как панacea от всех политических страхов, а также и от собственной ущербности. Гражданское общество на Западе — продукт длительного исторического развития, сформировавшего социальную личность человека как гражданина, самоценного и ответственного, в этом качестве признанного государством. Все остальные признаки гражданского общества (независимый суд, местное самоуправление, гражданская самоорганизация и пр.), по сути дела, производные от этого центрального феномена. Как исторический ориентир идея формирования гражданского общества в России прекрасна и сложна, но как "плановое задание" (см. об этом реплику Л.Полякова: Вып. 4. С. 135), по меньшей мере, несерьезна. Если столь авторитетный докладчик, как В.Шейнис, причастный ко всем конституционными избирательными законами последних десяти лет, утверждает, что "не будет ни честных выборов, ни демократического правового государства без гражданского общества" (см.: Вып. 9. С. 65), возникает недоуменный вопрос: откуда же возьмется это самое "гражданское общество" — без мучительно долгой исторической "обработки" и граждан, и государства, и избирательных процедур — неужто как снег на голову, как секуляризованный вариант "второго пришествия"?

А когда, с подачи политтехнологов, собирается "Гражданский форум", уже, видимо, позабытый всеми, кроме его организаторов, и деятельность различных добровольных обществ выдается за доказательство процветания в стране гражданского общества, то мы просто видим пример вполне практического использования мифа. Для "гражданского" самооправдания власти, а также, по-видимому, для распространения ее влияния на действительно независимые и достойные уважения организации, например, правозащитные. Миф работает...

"Умом Россию понимать". Рассматривая работу симпозиума за все его годы, нельзя обойти вниманием ту направляющую линию, которую настойчиво стремится придать ему Т.Шанин. Отмечу лишь две, на мой взгляд, важнейшие позиции.

Во-первых, призыв "умом Россию понимать надо!" Известная формула Ф.Гютчева "удобна многим, но отсылка к ней отнюдь не помогает осмыслению исторических реалий в бурном XX веке" (см.: Вып. 6. С. 3). Идея самоочевидная для научного сообщества, но не так просто проводимая в исследовательскую практику. По утверждению Т.Шанина, настоящая наука обязана бороться со "спекуляцией, построенной на фактах, взятых, так сказать, с потолка". К таким спекуляциям строгий манчестерский профессор готов отнести три четверти "того, о чем говорится в данную минуту в России" (см.: Вып. 1. С. 315).

Во-вторых, резкие возражения против "бесконечного спора русской интеллигенции с правительством... Ученые занимаются наукой, политики — политикой. Мне кажется, что главное — это хорошо работать на своем месте. Необходимо познавать и изучать Россию. А это возможно только тогда, когда мы оставим журналистам и политикам то, в чем они сильны, и будем более энергично заниматься тем, что входит в обязанности ученых" (см.: Вып. 2. С. 387). Поистине прекрасный призыв, как и прекрасный ориентир — строгое разделение труда между политиками и учеными в Англии. Но для нас, для российского общества, в том числе для научного сообщества, это ориентир на перспективу, который нужно иметь в виду и сейчас, но который ни сегодня, ни завтра не удастся в полной мере реализовать. До такого "разделения труда" в области социального знания и политики, которое существует в Англии и других западных странах, нам пока очень далеко, столь же далеко, как до того уровня уважения, пусть и критического, которым пользуются "там" представительные учреждения, политики, суды и пр. Пока этого нет, ученым у нас приходится выступать на поле публицистики и политики, иногда жертвуя глубиной мысли ради того, чтобы быть услышанными "народом" и "верхами" (чего, конечно, чаще всего не бывает).

* * *

За рамками этого краткого и преимущественно "проблемного" обзора работы симпозиума, отраженной в девяти выпусках сборника материалов, остались многие важные направления его работы, интересные сообщения, оживленные дискуссии. На всех сессиях и во всех сборниках довольно широко представлены исследования ВЦИОМ, о которых я не берусь судить ввиду собственной ангажированности.

Остается пожелать замечательному совместному продукту Московской высшей школы экономических и социальных наук и Интерцентра, взрослому уже детищу Т.И.Заславской и Т.Шанина, — идти дальше, копать глубже, смотреть выше.

Мари МЕНДРАС

Уклонение от определенности. Почему россияне не считают построение демократии приоритетной задачей

Сегодня писать о российском государственном строе гораздо труднее, чем сразу после крушения Советского Союза*. В 1989-1992 гг. можно было рассуждать о переходном периоде, о необходимости покончить с коммунистическим произволом, о демократизации, о движении вперед к свободному обществу и рыночной экономике. Западные наблюдатели и приверженцы реформ в России сходились в одном убеждении: единственная альтернатива социализму — капитализм (в его социал-демократическом варианте), демократия и правовое государство вот-вот обеспечат победу над тоталитаризмом, а экономическая монополия государства—партии уступит место частной собственности и рыночной экономике. Разногласия касались скорее способов и темпов преобразований, нежели самой сущности тех политических и социальных процессов, которые совершались в России.

* В своей статье Мари Мендрас анализирует российскую ситуацию 1988 г. — конца 1999 г. и в этом смысле подводит итог политики М.С.Горбачева и президентского правления Б.Н.Ельцина. — *Прим. ред.*

Мысль о том, что коммунизму можно противопоставить не только капитализм и западную демократию, почти ни у кого не вызвала тогда интереса. Падение железного занавеса пробудило у русских сильную тягу к западному образу жизни. События 1989-1991 гг., следовавшие одно за другим в лихорадочном темпе, внушали уверенность в том, что венец исторического развития — Запад, Европа, процветающий "цивилизованный мир". Среди западных государственных деятелей, равно как и среди представителей русской реформаторской элиты, лишь единицы имели время и желание размышлять о другом пути развития: менее прямом, более сложном, менее успешном, а главное, менее предсказуемом. Между тем в 1990-е годы Россия пошла именно по этому пути. Она не построила ни правового государства, ни регулируемой рыночной экономики. И мало кто возьмется утверждать, что те, кто стоит сегодня во главе России, преследуют именно эти цели. Разговоры о правовом государстве и рыночной экономике ведутся для очистки совести, для доказательства наличия у русских партнеров "добрых намерений". Разговоры эти избавляют от необходимости задуматься сколько-нибудь глубоко над тем, как управляется или не управляется бывшее советское государство.

Идеализированный образ демократической России — плод иллюзий. Одновременность десоветизации на огромном пространстве от Варшавы до Владивостока внушала уверенность, будто весь Восток трансформируется разом. Однако за десять лет, прошедшие с 1989 г., обнаружилось, что между странами бывшего Советского Союза, исключая балтийские страны, и странами Центральной Европы пролегла пропасть. Многие в эту пору высказывали мысль, что все народы, населяющие страны бывшего социалистического лагеря, охвачены мощным желанием влиться в европейское сообщество, которое живет по нормам демократии и права. Между тем и в этом отношении разница между странами Центральной Европы и бывшей Российской империи была очень велика. За исключением прибалтов, армян, грузин и западных украинцев, советские люди в большинстве своем восприняли реформы Михаила Горбачева как проект, навязанный им "сверху", по отношению к которому сами они выступают лишь исполнителями, покорно переносящими последствия перемен, как хорошие, так и плохие. Ни русским обществом, ни большей частью элиты не двигало осознанное, выношенное желание расстаться с коммунизмом и построить государство иного типа.

Лишь после финансового кризиса августа 1998 г. и скандалов, связанных с кражей миллиардов долларов из государственной казны, стало возможным аргументированно критиковать русское политическое устройство, не рискуя быть обвиненным в пессимизме, антиельцинизме, ностальгии по доброму "старому" советскому времени. Больше того, теперь политологу следует избегать другой крайности. Сегодня хорошим тоном стало описывать российскую ситуацию тремя словами: хаос, мафия, преступность. Картину омрачают многочисленные террористические акты, осуществленные в российских городах в 1999 г., и военные конфликты на Северном Кавказе.

В то же время нельзя сказать, чтобы страна находилась в состоянии хаоса. Достаточно прожить несколько дней в каком-либо из провинциальных городов, чтобы убедиться: население существует не в экономических и социальных джунглях, а в относительно упорядоченном мире, где имеются властные структуры, где функционируют, хотя порой и весьма посредственно, основные службы — поезда и трамваи ходят, как правило, по расписанию, школы, несмотря на трудности, работают, вода, пусть и непригодная для питья, исправно течет из водопроводных